

Никифоров Семен Гаврилович

*Источник: Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. "Художник РСФСР". Ленинград. 1965. Издание пятое
OCR Ловецкая Т. Ю.*

Вот уж именно, что у иных судьба бывает хуже злой мачехи. И кого она невзлюбит -- нет тому от нее пощады.

Предо мной проходила жизнь товарища-друга Никифорова, за спиной которого постоянно чудилась его злая судьба.

К чему бы он ни стремился, чего бы ни искал -- судьба допускала его до конца стремлений, а в самом конце подсекала достигнутые успехи и разрушала все его достижения. Она невзлюбила Никифорова с самого его рождения и приуготовила ему несчастье уже в младенчестве. Это она подтолкнула руку его няньки, чтоб та выронила младенца, и свихнула его позвоночник, сделав Семена Гавриловича на всю жизнь физически недоразвитым и горбатым. Судьба дала ему ум и талант -- и на каждом шагу мешала проявить свои способности. Она окружила его тяжелыми условиями жизни и, слабого, заставляла нести непосильный труд и биться над заработком с самого детства ради куска хлеба. Она же наделила Никифорова жаждой жизни, не дав ничего, чтоб утолить эту жажду.

Чего стоила ему его короткая жизнь, какие невероятные усилия, труд понес он для того только, чтобы все завоеванное им оказалось для него не нужным и самому отойти в тень, остаться полузабытым обществом!

Никифоров вскоре по окончании Московского училища живописи был избран членом Товарищества передвижников. Талантливость его ярко выразилась в первых же вещах, выставленных на передвижной выставке.

Школу он заканчивал под руководством Серова, перед которым преклонялся.

Он многое взял от Серова, но сохранил и свою индивидуальность. У него не было той кажущейся легкости и артистического изящества в живописи, как у Серова, он был грубее, проще, более реалист, без налета модернизма, но зато крепче и глубже проникал в жизнь, в ее повседневную простоту и по своему восприятию натуры был более связан с передвижничеством.

Брал он нечто и от Малявина, увлекаясь его широким размахом в письме, его силой. Драма жизни Никифорова заключалась в том, что он хотел быть богатырем, подымать огромные тяжести, охватывать широкую могучую жизнь, выражать ее на больших полотнах в ярких и сильных образах, хотел упиваться здоровьем, молодостью, силой, темпераментом и славой, но для всего этого у него не было физических средств.

Маленький, тщедушный, с еле бьющимся сердцем, он бросался на штурм и падал в изнеможении, проклиная свою слабость.

В том, что он делал, виден был его порыв, его талант и уже выработанное умение мастера. Он хорошо владел рисунком, лепил форму и бросал сильные краски, но всего этого достаточно было лишь для небольших сколков с жизни, для небольших картин с реальными образами, а Никифорову мерещилось уже то огромное, что он видел у великих мастеров, и он, не учитывая своих сил, хотел с размаху взбежать на вершины. И надрывался.

Когда его предостерегали, говорили, что надо беречь свое здоровье, свои силы ради самого дела, указывали, что своим страшным напряжением он может совсем уложить себя, Никифоров отвечал: "Ну и прекрасно! Лучше пасть сразу в бою, чем тянуть длинную канитель бесполезного спокойствия. Ворон вон двести лет прожить может, да только мертвечиной питаюсь".

Честный по натуре, он был необычайно честен и в искусстве и откровенно признавался в своем грехе, в фальши, допущенной им в работе. Показывая мне свою вещь, он обводил пальцем неудачное на ней место и говорил:

-- Вот тут -- замечаешь? Надо было разобраться в натуре, а я фуксом отделался, замазал чем попало. Увидит Серов -- достанется мне!

Беспощадно относился он и к произведениям других, где видел плутовство в живописи, желание отделаться дешევкой или угодить вкусам невежественной публики.

Всякая картина на выставке была для него своей. По ней он читал все содержание, весь характер художника и представлял даже внешность его. По произведениям у него являлись симпатии или антипатии к личности автора.